Текст · 7 июня 2022, 06:23
Алла Константинова,

«Мне соболезновать не надо, вы хоть тело-то видели?». Матери моряков с «Москвы» уже два месяца пытаются узнать их судьбу — и все еще надеются, что те живы

Уже почти два месяца родные моряков-срочников с затонувшего крейсера «Москва» пытаются добиться от Минобороны и руководства Черноморского флота информации о том, что случилось с их детьми. Им отвечают, что сыновей «среди спасенных не оказалось», тел на затонувшем корабле тоже не нашли, и предлагают подписать бумаги о признании их погибшими «в результате катастрофы». Несмотря на это, многие продолжают надеяться найти живыми своих сыновей.

«Ни одного тела они там не нашли», — говорит мать пропавшего на затонувшем крейсере «Москва» срочника Альбина Романова[1], которая до сих пор пытается добиться от командования Черноморского флота внятного ответа о судьбе сына.

«С их слов, поиски еще ведутся, я спрашивала, можно ли их результаты получить на бумаге, может, заявление какое-то надо написать, чтобы предоставили, — продолжает Романова. — Они сказали, что это военная тайна и "не положено"».

«Мощнейший корабль Крыма», ракетный крейсер «Москва» был построен 33 года назад и затонул в Черном море вечером 13 апреля. В тот же

день появились сообщения, что крейсер поразили две противокорабельные ракеты «Нептун». Позже агентство *Reuters* со ссылкой на источники в Пентагоне подтвердило версию об ударе украинской ракеты.

Минобороны России сначала утверждало, что «Москва» пострадала из-за шторма, а затем признало пожар на крейсере «в результате детонации боезапаса» и доложило о «полной эвакуации экипажа». Поврежденный крейсер, по версии ведомства, «потерял остойчивость» при буксировке в порт и «в условиях штормового волнения моря затонул».

В тот момент крейсер находился примерно в 90 километрах от побережья Украины, к востоку от острова Змеиный, сообщал американский военный аналитик Саттон, которому удалось установить местоположение «Москвы» по радиолокационным спутниковым снимкам. В социальных сетях появились фотографии и видео, на которых запечатлен горящий крейсер: на снимках можно заметить возгорание в районе машинного отделения корабля. На фото и видео также заметно, что шторма на море в тот момент не было.

Минобороны точное место кораблекрушения ни разу не называло. «Коммерсант» писал, что в начале вторжения в Украину крейсер «Москва» был задействован в атаке на остров Змеиный, после которой в плен сдались 82 украинских военнослужащих. Об этом сообщало и РИА «Новости». Считается, что именно «Москве» был адресован ставший мемом ответ украинских

пограничников со Змеиного: «Русский военный корабль, иди нахуй».

Последний раз официальную информацию об экипаже Минобороны озвучило еще 22 апреля, доложив об одном погибшем и 27 без вести пропавших моряках. О погибшем мичмане Иване Вахрушеве тогда написал губернатор Севастополя Михаил Развозжаев: «Иван Леонидович погиб геройски. Он руководил своей командой, вывел матросов, когда начался пожар, потом спустился, заглушил котельную, но сам уже не успел выбраться. Он совершил подвиг и спас жизни сотням своих сослуживцев».

16 апреля Минобороны России показало видео, на котором, как утверждалось, главнокомандующий ВМФ адмирал Николай Евменов встречается с экипажем крейсера «Москва». Военнослужащие выстроены в две шеренги, точное их количество посчитать сложно, вероятно, около сотни. Звука в сюжете нет. Телеграм-канал «Воля» утверждает, что восстановил звук на записи и там слышно, как один из военнослужащих заканчивает доклад словами: «Жалоб, заявлений, предложений не имею».

Из этого канал сделал вывод, что Минобороны опубликовало кадры осмотра экипажа крейсера еще до выхода в море. Об этом свидетельствует и случай с пропавшим без вести моряком-срочником Сергеем Грудининым: мать узнала его в одном из промелькнувших в кадре моряков.

Выживший во время пожара на корабле матрос-срочник, чья мать анонимно поговорила с

«Новой газетой. Европа», утверждает, что на корабле погибли около сорока его сослуживцев. По словам моряка, на крейсере было «очень много раненых, в основном с оторванными конечностями». По данным источника «Медузы», вместе с «Москвой» погибли 37 человек, более ста были ранены.

Матросы-срочники пропадают без вести и гибнут

«Подчеркну, в боевых действиях не участвуют и не будут участвовать солдаты, проходящие срочную службу. Не будет проводиться и дополнительный призыв резервистов из запаса», — обещал Владимир Путин, поздравляя женщин с 8 Марта. Уже на следующий день, 9 марта, Минобороны России признало участие в войне солдат-срочников. Представитель ведомства Игорь Конашенков утверждал, что в украинский плен попали лишь несколько срочников и «практически все такие военнослужащие выведены на территорию России».

В экипаж крейсера входили 510 человек, писал «Коммерсант». Сколько среди них было срочников, до сих пор неизвестно. Однако после крушения «Москвы» об их службе на корабле стали регулярно сообщать в соцсетях родственники. Сейчас известно как минимум о десяти пропавших срочниках.

«У нас фамилии и даты рождения 15 человек, пропавших без вести. Я знаю со слов своего сына примерное число срочников, которых видел он на корабле. Эти данные нигде нами публиковаться

не будут. Еще раз повторю: никому эти данные передаваться не будут до того, пока мы не получим официальные ответы от ЧФ и военной прокуратуры. Или если с нами начнут "работать"», — писал в соцсетях Дмитрий Шкребец, отец 20-летнего срочника Егора Шкребца, который одним из первых сообщил о пропавшем сыне.

Источники «Агентства» утверждают, что экипаж затонувшего корабля мог на две трети состоять из срочников. Один из источников помогает родным пропавших матросов в поисках, он говорит, что на крейсере было как минимум 300 солдат срочной службы.

В начале мая о том, что ее раненый сын, матрос-срочник из Набережных Челнов Булат Шакирзянов, проходит лечение в Военно-медицинской академии Петербурга, рассказывала его мать Гульназ Уразаева. Моряк, по ее словам, получил ранения на «Москве». 19-летний Булат был призван на флот в ноябре прошлого года. С раненого срочника, говорит Уразаева, допрашивавшие[2] его следователи взяли подписку о неразглашении.

Следователи, по ее словам, приходили к сыну дважды-[3], во второй раз Булату дали подписать еще несколько бумаг — в них был отдельный пункт о запрете общения с журналистами.

«Я так поняла, идет расследование, — говорит она. — Я говорю: "Ты читал хоть, что подписываешь?". Ну, отвечает, читал: о неразглашении, что ему грозит

уголовная статья, если что-то расскажет. Короче, напугали до самой смерти, по ходу».

Она не верит в официальную версию о пожаре на корабле: «Я знаю, что произошло, а вы хотите сказать, что не знаете? И Следственный комитет знает, что произошло — там не боезапас сдетонировал. Все родители матросов-срочников знают, многие ребята рассказали мамам. Но официально же это не произносят».

О поисковой операции на затонувшем 13 апреля крейсере «Москва» Минобороны публично ни разу не сообщало. О «полной спасательной операции» на борту матери пропавшего моряка Анастасии Гореловой[4] еще 16 апреля говорил заместитель командира крейсера Павел Вакула. Это тот офицер, который послал «нахуй» корреспондента «Вот так», задавшего ему вопрос о срочниках на корабле.

Сын Гореловой переходить на контракт не хотел и в июне должен был вернуться домой. «Когда звонил, постоянно — с вахты, всегда уставший такой, — мать говорит, что только после гибели "Москвы" узнала о больших нагрузках на корабле от родителей других пропавших солдат. — То есть они пахали там, а офицерам, такое ощущение, было наплевать. Не знаю, контрактников им там, что ли, не хватало».

Она все еще надеется, что сын может быть жив.

Иллюстрация: Лиза Ложка / Медиазона

Раненые в госпитале. «Говорили одно и то же, как будто под копирку стихотворение выучили»

До сих пор надеется найти сына и мама 19-летнего Никиты Ефременко. Татьяна Ефременко — повар из Приозерска Ленинградской области, работает в столовой. Сослуживцы пропавшего без вести сына рассказали ей, что в день крушения корабля Никита тоже дежурил в столовой. Он, как и сын Анастасии Гореловой, должен был в июне вернуться со службы домой.

«В последний раз с ним созванивались 9 апреля, он еще говорил: "Мам, мне осталось 58 дней", — устало вздыхает Татьяна. — Говорил, что готовят хорошо, хлеб очень вкусный пекут, рассказывал, что впервые увидел, как две радуги на небе пересекаются. Но что у них там происходит, не говорил никогда».

Она рассказывает, что была первой из родственников пропавших моряков, кого командующий[5]

Черноморским флотом Игорь Осипов в конце апреля пригласил на разговор в севастопольский Дом офицеров. В Севастополь Татьяна Ефременко приехала после недели безуспешных попыток узнать что-то о сыне по телефону.

«Я обзвонила весь Крым, все госпитали, звонила даже в Сочи и в Анапу, — вспоминает она. — Конечно, я понимала, что такую информацию вряд ли кто даст, тем более по телефону. И решила ехать туда сама, чтобы уже на месте... Мало ли, раненый, еще чего-нибудь. Я распечатала все фотографии его,

понимала, что в госпитале телефоны, скорее всего, заберут. Приехала утром на поезде, там таксисты стоят, доехала сразу до 810-й части в Казачьей бухте-[6]. Капитан-лейтенант молоденький там встретил, он сначала кому-то звонил, звонил, звонил... А потом меня повезли к Осипову. Я не просила».

По словам Татьяны, в холле Дома офицеров ее встретили две девушки-психолога: «Задавали много вопросов, спрашивали, что я знаю — грубо говоря, зачем я вообще приехала».

И Татьяна Ефременко, и Анастасия Горелова с Альбиной Романовой, которые тоже встречались с адмиралом Осиповым, вспоминают, что тот встретил их одной и той же речью о героизме служивших на «Москве» моряков. «Говорил, как мой Никита служил хорошо, что исполнительный мальчик он такой, что "в результате катастрофы он пропал без вести", — вспоминает Ефременко. — Конечно, откуда он их всех знал? Скорее всего, эту информацию, пока меня везли от части до него, ему все быстренько сказали, и он, грубо говоря, мне это повторил».

Татьяна попросила командующего флотом пустить ее в госпиталь к раненым сослуживцам сына. На следующий день все те же девушки-психологи провели ее сначала по нескольким палатам военно-морского клинического госпиталя в Севастополе, а потом и по госпиталю Минобороны в бухте Омега.

«Мне показали только то, что можно показать, — вздыхает она. — Там очень мало мальчишек, и все говорили одно и то же, как будто под копирку

стихотворение выучили. Никто никого не видел, как я поняла. По поводу пожара тоже ничего не говорили, некоторые только вспоминали, что "был густой черный дым". А один мальчишка, светленький такой — когда я в первый раз его увидела, он сразу покраснел весь, я прям видела, как он нервничает, как боится со мной разговаривать. Они, может, что-то и знают, а сказать не могут, безвыходная ситуация. И поделиться бы с кем-то посторонним, а нельзя».

Один юноша с гипсом на ноге резко прекратил разговор с Татьяной, увидев сопровождавших ее военных психологов: «Поначалу он аккуратно что-то вроде бы начал рассказывать: где находился, как спасся. И тут вошли психологи. И вот он их как увидел — они в черной такой форме — сразу изменился в лице и сказал, что ничего говорить не будет. А они, девушки, переглянулись между собой и улыбнулись. Тут, конечно, может быть, моя вина... Но я уже не выдержала и рявкнула им: "Что, смешно стало?"».

На встрече в Доме офицеров глава Черноморского флота Осипов сказал Татьяне, что на «Москве» не было тяжелораненых матросов. У солдат, которых она видела в госпитале, действительно были небольшие осколочные ранения. «Ну, или мне их не показали. Я еще спрашивала, как такое вообще возможно. А они, ну, руками разводят — вот так у них возможно».

Гульназ Уразаева говорит, что ее сыну, срочнику Булату Шакирзянову, в Военно-медицинской академии сделали уже три операции: сначала лечили ожоги в травматологии, сейчас он в отделении нейрохирургии. «Там и осколочные [ранения] головы, и перебита ключица, открытый перелом

с дроблением, перебито плечевое сплетение, — рассказывает Гульназ. — Там еще от шеи идет лучевой нерв, который отвечает за поднятие локтя, он тоже был перебитый».

По словам матери, левую руку Булат не чувствует и «носит ее с собой». «В апреле у него было нервное такое состояние, все болело, — вспоминает Гульназ. — Он все не верил, не признавал, что у него одна рука не работает. И сейчас он то ли смирился, то ли поддержка с моей стороны помогла. Ему нужно разрабатывать руку, как маленькому ребенку: у него моторика не работает, у него пальчики не действуют, рука не сгибается, она у него висит. А сейчас, после операции, у него еще и ошейник — нервы должны зажить, затянуться».

Встречи командиров с матерями. «Мне соболезновать не надо, вы хоть тело-то видели?»

Анастасия Горелова и Альбина Романова тоже встречались с командующим Черноморским флотом в севастопольском Доме офицеров. Горелова говорит, что была возмущена тем, как неуважительно с ней разговаривал Игорь Осипов и остальные офицеры — она виделась с ними 23 апреля.

«Заходишь, там десять человек стоят, — говорит она. — Представился главнокомандующий, представители военной прокуратуры, от губернатора там какой-то представитель был еще... Вот они сидели полукругом, и ты у них, получается, в центре. "Они все будут признаны героями, все это решено уже на более

высоких постах". Я говорю: "И что я с этой медалью, железкой, буду делать? Я хочу знать, где мой сын"».

По словам Романовой, она пыталась задавать вопросы о пропавшем моряке, но в ответ все или молчали, или отвечали невпопад: «Где, говорю, пожар-то начался? "В машинном отделении", — отвечают. Я говорю: "У вас машинное отделение все загорелось?". "Ну нет, где-то начало гореть", — как они сказали. "Получается, — говорю, — у вас не сработала система автоматического тушения?". "Почему — сработала". А в чем проблема? Молчат. Я говорю: "А есть такой вариант, что ребята могли попасть в плен? Мало ли — штормило, отнесло их там на лодке, на чем они были... на плотах. Кто-то, может, подобрал". "Ой нет-нет, это исключено", — и чуть ли не посмеялся надо мной, что я такое вообще предположила».

Иллюстрация: Лиза Ложка / Медиазона

Мать интересовало, почему сын-срочник вообще оказался на военном корабле во время проведения «специальной военной операции». Осипов ответил, что корабль в момент пожара находился в нейтральных водах.

«Они говорят: "Ну, ваш сын же не участвовал в военных действиях", — возмущается Романова. — Я говорю: "Знаете, у меня есть еще один сын. И я буду делать все, чтобы он не попал в армию". А они такие: "А кто же будет защищать родину, маму? Вот ведь ваш Никита... защищал". Я аж вскрикнула: "Как это

Никита защищал? Вот вы только что мне сейчас сказали, что он не участвовал в военных действиях?!". Тут они раз — и замолчали все сразу».

Альбина Романова просит не указывать ни ее настоящего имени, ни региона, откуда ее сын приехал служить на «Москве». Она рассказывает, что разговоры о выплатах на встрече с главнокомандующим ее только раздражали. По закону родственники погибших военнослужащих могут претендовать на получение страховой и единовременной выплат, в общей сложности это почти 7,5 млн рублей.

«Через каждое предложение заманивали деньгами, — возмущается Романова. — Начали мне соболезновать, я не выдержала, крикнула: "Мне соболезновать не надо, вы хоть тело-то видели?". А когда я спросила их про Змеиный[7] — головы поопускали, ничего так и не ответили».

Гульназ Уразаева, напротив, надеется на выплаты от государства: она опасается, что раненому сыну может понадобиться еще операция, за которую ей придется самой платить. Точного размера выплат пока не знает: обещали «от трех миллионов в зависимости от ранения».

«Сказали, всем пострадавшим будут выплачены компенсации, то есть этим они нам закрыли рты, — рассуждает Уразаева. — Но в моей ситуации мне компенсация очень нужна. То, что у меня ребенок инвалидом, не дай бог, останется — конечно, нам надо будет над этим работать и восстанавливаться».

Анастасия Горелова рассказывает, что на КПП воинской части 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты, куда она пришла в конце апреля, к ней подвели военнослужащего, чье имя она целиком не запомнила. В разговоре с ней тот, по сути, подтвердил украинскую версию гибели корабля, сказав, что «их долбанули ракеты». Впоследствии Горелова слышала и от других матерей о том, что они разговаривали с похожим молодым человеком.

«Точно помню, что он капитан третьего ранга, Владислав Владимирович, — говорит Анастасия. — Он похож то ли на бурята, то ли на корейца, глаза узковаты. Приглушенным голосом начал говорить со мной, рассказывал, знаете, как кино: что сам лично спускался в машинное отделение и выводил детей, выводил ребят цепочкой. Рассказал, что их ракеты долбанули. "Пять дней нас тут [в части] держали, нас допрашивали, не выпускали". Я смотрю на него и думаю: для пяти дней вне дома ты очень хорошо выглядишь... Начищенные ботинки, наглаженные брюки, весь побритый такой, не помятый. Он даже поплакал у меня на глазах, якобы он друга потерял лучшего. Ну, может быть. Но потом этот же капитан третьего ранга разговаривал с другой мамочкой, у которой тоже ребенок был в машинном отделении; ей рассказал совершенно другую историю, но тоже плакал».

Татьяна Ефременко добавляет, что ей звонил «подполковник Иван Волков», который сперва рассказывал о ходе поисковых работ, но потом перестал отвечать на вопросы. По словам Татьяны, недавно он снова позвонил и «сказал, что, скорее

всего, они сгорели». «Медиазоне» Волков по телефону сказал, что не участвовал в поисковой операции.

«Я офицер военно-социальной работы», — подчеркнул он. Говорить, работает ли он с моряками с крейсера «Москва», Волков не стал: «А давайте я не буду на ваши вопросы отвечать, хорошо?».

Матерей просят подписать заявления о гибели «в результате катастрофы». «Человек пошел за булочкой, что ли, и умер?»

По словам всех трех матерей, в начале мая региональные военные комиссариаты предложили им подписать заявления о признании их сыновей погибшими. В наполовину заполненном образце[8] типового заявления, который предложили подписать Татьяне Ефременко, было сказано: «По информации, поступившей от заместителя командующего Черноморским флотом по военно-политической работе капитана 1 ранга Витольда В. В.[9], 13 апреля 2022 года в результате катастрофы гвардейский ракетный крейсер "Москва" затонул в открытом море. В целях спасения экипаж оставил корабль. По завершению эвакуации, среди спасенных моего сына не оказалось».

В документе перечислены сослуживцы пропавшего: капитан-лейтенант Рыжиков, матрос Белан и старшина 1-й статьи Минин, которые свидетельствуют, что в тот день до 14:10

Никита Ефременко нес дежурство в столовой, а «впоследствии они его не видели».

Все три матери, с которыми говорила «Медиазона», документ подписывать отказались — в первую очередь потому, что в нем нет указания на то, что сын погиб во время военных действий. «Они пишут: "В результате катастрофы умерший", — возмущается Горелова. — Получается, человек пошел за булочкой, что ли, и умер?».

Горелова добавляет, что семьи как минимум четверых пропавших без вести срочников, с которыми она общается, такие заявления подписали. «У нас народ отсеивается, подписывают, — признает она. — Нервы не выдерживают».

К концу мая Минобороны все-таки включило моряков с «Москвы» в перечень соединений и воинских частей, которые привлекались к участию в «специальной военной операции». Это следует из ответа[10] военной прокуратуры Черноморского флота на заявление матери раненого срочника Гульназ Уразаевой — его фото выложил паблик «Военный омбудсмен».

В документе сказано, что корабль, на котором служил ее сын, «не входил в состав сил (войск), привлекаемых к участию в специальной военной операции, в момент катастрофы находился в нейтральных водах». При этом подчеркивается, что Минобороны включило воинскую часть 84201, где служил Шакирзянов, в перечень соединений и воинских частей, которые привлекались к участию в «специальной военной операции». Это сделано «для обеспечения возможности реализации социальных

прав и гарантий, а также получения экипажем корабля и членами их семей выплат».

По словам Уразаевой, в мае ей звонил сотрудник прокуратуры[11] и предупреждал, что в документе будут именно такие формулировки. «Когда военный прокурор мне звонил, говорил: "Я вот вам так и так напишу, что мы были в нейтральных, что катастрофа..." — иронизирует она. — Я ему говорю: "Ну вы же знаете, что это не так". Я, говорит, знаю. Но нам надо так писать».

Все три матери пропавших без вести моряков — Татьяна Ефременко, Анастасия Горелова и Альбина Романова — по-прежнему надеются, что их сыновья живы. «Я учитываю все варианты: пленение, госпитали, — точной информации ведь нет нигде, и я верю, что он жив», — говорит Альбина Романова.

По словам Анастасии Гореловой, она решила скрыть свое имя, чтобы не навредить сыну и его сослуживцам, когда их найдут. А в этом она не сомневается. «Мне все время кажется: найдем одного — найдем и всех остальных, — говорит она. — Потом, когда найдем, можно будет рассказать журналистам все, с фамилиями, с подробностями. А сейчас — страх. Не за себя даже, а за детей».

С ней согласна и Татьяна Ефременко. Из-за того что военное командование не может ей прямо ответить, что случилось на корабле, она все еще допускает счастливый исход: «Я вот уверена прямо, что они живые. Столько нюансов, нестыковок...». Татьяна рассказывает, что обматерила Михаила Зеленцова, начальника военного комиссариата Приозерского

района Ленинградской области, когда 31 мая пришла в военкомат.

«Разговаривал со мной так, как будто я пришла к нему что-то просить, — вспоминает она. — Я ему сказала: "Я в ваш военкомат отдавала ребенка, прошу его вернуть". Он разнервничался, стал мне говорить: "Вы не правы, вам дали бумаги подписать, но вы не подписали". А я ему: "Никогда их не подпишу". И тут у меня меня слезы потекли, мне так обидно стало».

Психиатр прописал ей антидепрессанты, добавляет Татьяна. После приема медикаментов ей становится чуть лучше, но часто хочется спать: «Забуду выпить таблетку — впадаю в ступор, реву, реву, реву... Но без таблеток никуда, мне нужны силы. Мне нужно искать ребенка».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Имя изменено.

2. Мать не знает, в рамках чего проводился допрос.

3. 23 или 24 апреля и потом 30 апреля.

4. Имя изменено.

5. Позже, 19 мая, британская разведка сообщила, что Осипова отстранили от службы; это связывают с гибелью крейсера «Москва».

6. Там базируется часть 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты.

7. Еще 25 февраля украинские власти сообщили об обстреле острова Змеиный, где находилась погранзастава, российским военным крейсером «Москва». Минобороны это ни разу не комментировало.

8. Есть в распоряжении «Медиазоны».

9. Вячеслава Владимировича Витольда.

10. Он подписан начальником отдела надзора военной прокуратуры Черноморского флота Вадимом Михайловым.

11. Фамилию она не помнит.